

MISCELLANEA

УДК 316.334.55; 316.734
DOI: 10.17223/2312461X/26/7

СЕЛЬСКИЕ ДНЕВНИКИ ПОГОДЫ И ПРОМЫСЛОВЫЕ ЖУРНАЛЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГИБРИДНЫХ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ*

Лидия Яковлевна Рахманова

Аннотация. Может ли дневник быть одновременно социальной хроникой и научным протоколом? Что означает в данном случае смешение жанров и текстовых структур? Статья представляет разнообразный спектр сельских дневников погоды, написанных рукой рыбака, медсестры, огородника, инспектора, музейного специалиста и объединенных общей идеей сочетания данных различного типа в одной структуре, на одной странице, т.е. являющих собой особый тип гибридного документа. Уникальность ситуации состоит в том, что, сопрягая сведения разного типа (метеорологические, финансовые, исторические, биографические, инфраструктурные), полученные из разных источников (начиная от инструментов фиксации температуры и заканчивая личными ощущениями, слухами и интернетом), авторы дневников косвенно участвуют в производстве иного типа знания, которое рождается на местах стыковок, наложений и параллелей между явлениями и фактами, оценками и сарказмом, поэтическими описаниями и хроникой природной катастрофы.

Анализируя структуру дневника, специфику их языка, основные компоненты, цели, с которыми они ведутся, автор раскрывает природу процессов, которые происходят благодаря самому акту письма, и показывает, почему сам дневник является в некотором смысле лабораторией. Однако что производит данная лаборатория? Можем ли мы применить к ней ту логику описания, которую Латур применяет, описывая процесс производства научных статей? Что происходит с текстом, записанным на страницах сельского дневника погоды и текст ли это? В данной статье предпринята попытка ответить на эти вопросы и «перевернуть» логику «перевода», предлагаемую акторно-сетевой теорией.

Ключевые слова: дневники, гибридные документы, приобские поселки, локальные сообщества, хроники села, протоколы наблюдений, научная инфраструктура

---

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-00-01625 «Гибридные формы взаимодействия / сосуществования в социальном пространстве на берегах Оби: сопряжение жизненных миров местных сообществ, государственных структур и ученых как ресурс для понимания глобальных / локальных климатических и социокультурных изменений».

Мы сами являемся гибридами, кое-как обосновавшимися внутри научных институций, мы – полуинженеры, полуфилософы, третье сословие ученого мира, никогда не стремившееся к исполнению этой роли, – сделали свой выбор: описывать запутанности везде, где бы их ни находили.

(Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии)

Введение

В какой форме наука¹ как таковая может проявляться в сельских сообществах на постсоветском пространстве? Где она «обитает»? Каким образом мы можем обнаружить ее следы? В поисках ответа на эти вопросы междисциплинарная команда исследователей посетила ряд приобских поселков Кривошеинского, Молчановского, Колпашевского, Парабельского, Кургасокского и Александровского районов Томской области. Одна из гипотез исследовательского проекта заключалась в том, что наука в сельской местности обнаруживается благодаря таким классическим «форпостам» научного мониторинга, как метеостанции, селекционные станции, лаборатории при больницах и санитарно-эпидемиологических службах, службах мониторинга и метеонаблюдений при аэропортах, речных портах.

Несмотря на данное допущение, мы понимали, что сворачивание в 1990–2000-х гг. на территории всей страны воздушных пассажирских перевозок, увольнение кадрового состава и сокращение более не востребованных метеостанций, закрытие лабораторий и ключевых отделений в больницах – все это приводило к оттоку или переквалификации сельских специалистов из высокотехнологичных и интеллектуальных сфер производства на менее наукоемкие и низкоквалифицированные позиции. Таким образом, в населенных пунктах, где работали талантливые фельдшеры, лаборанты, лесные инженеры, радисты, метеорологи, летчики, электрики и диагносты, остались только следы, напоминающие о былой научной инфраструктуре, соединявшей города, райцентры и маленькие таежные деревни. Функционирующие на сегодняшний день школы в очень редких случаях можно назвать центром научных исследований: многие из них переведены на циклы 9-классного или начального образования. Казалось, что оптика нашего исследования выстроена таким образом, что не видит или не может «нащупать» свой объект – гибридные формы взаимодействия и феномены, указывающие на пересечение или столкновение миров сельских жителей, ученых и местных администраций.

Частный дневник погоды: между любительскими записями и научным протоколом фиксации природных явлений

Беседы с представителями сельских сообществ о доверии научному знанию как таковому, разговоры с местными жителями о том, кто явля-

ется экспертом по тому или иному вопросу, связанному с состоянием окружающей среды, экологией, климатическими изменениями, экономической ситуацией в регионе, натолкнули меня на серию документов, которые, как мне видится, являются уникальным проявлением искомых гибридных форм. Оказывается, что гибридизация разных типов знаний, мотивов, языков и практик, включающая и повседневный опыт, и научный компонент, заключена не столько в сети научных стационаров или метеостанций, не в лабораториях, где занимаются анализами первичного материала в полевых условиях, а в текстах. Анализ гибридных форм ранее изучался на материале писем (Puttaert 2016). Однако то, что интересует меня в настоящей статье, – это дневники погоды, которые в семьях с различными судьбами и жизненными траекториями сохранялись годами или ведутся до сих пор.

Фактически эти тексты – сельские протоколы наблюдений, где в формате, близкому к протоколу эмпирического научного наблюдения, отмечаются последовательно показатели температуры, облачности, осадков, ключевые события смены сезонов, например, ледостав и ледоход. Однако если бы эти документы являлись эталонным примером научного текста, в них отсутствовал бы интересующий нас локальный компонент. Между тем он может быть отчетливо выявлен в сельских дневниках и проявляется он не только в фигуре автора – огородника, рыбака, сельской учительницы или медсестры, но и в тех отступлениях от «канона», в тех несовершенствах, которые ставят под сомнение «научообразность» содержания дневника.

Авторы дневников – сами по своей идентичности, биографической траектории, сочетанию специальностей и практических навыков – являются самым ярким воплощением гибридных форм, сочетающих сельскую повседневность, прикладные навыки и наукоемкие технологии, а главное – совершенно различные по языку способы описания мира.

Дневник стал тем «социальным фактом», пристальный анализ которого повернул взгляд исследователя с устройств и механизмов фиксации эмпирических первичных данных в сельских сообществах на формы текстуализации, которые, будучи собранными из совершенно разных источников, становились в дневнике погоды данными одного порядка и регистра, смешиваясь и создавая причудливые сочетания и аналогии. Отраженные в дневнике детали – температура и влажность, уровень воды и посадки на огороде, количество пойманной рыбы и первый вертолет, прилетевший с Большой земли в сезон бездорожья, первая машина, прошедшая по тонкому льду через протоку, количество залитых огородов, ушедшие из жизни односельчане – все размещается в определенных столбцах и графах, а иногда выходит за их рамки, пересекая всю страницу.

В предлагаемой вниманию читателя статье я представляю типологию дневников погоды и промысловых дневников и журналов, анали-

зирую специфику авторского стиля и связь между профессиональной / промысловой деятельностью автора и структурой записей в дневнике, выделяю ключевые компоненты в дневниках различного типа и происхождения, обнаруживаю причины разрывов и «пауз» в дневниках, шрифты, дизайн, расположение данных в документе. Особый интерес представляет анализ гибридных данных – записей, отражающих в одном предложении или одной графе дневника события и явления природного, социального, экономического, инфраструктурного и экзистенциального порядков. На данных примерах я постараюсь показать, как на страницы дневников погоды прорываются иные смыслы, события, впечатления, выводы и прогнозы, ломающие канонический протокол наблюдений. Отталкиваясь от температуры воздуха и осадков, авторы дневников неметодично и вразброс отмечают ключевые аспекты жизни села. Приоритет и значимость явлений представляют особый интерес, так же как и источники данных, которым доверяют или не доверяют местные жители.

Дневник погоды – особый жанр или смешение жанров?

В данном разделе мне хотелось бы обозначить специфику сельского дневника как жанра, а также обосновать, почему столь разные по содержанию и назначению виды дневников и журналов оказались внутри одной аналитической рамки. Чтобы сузить границы описываемого явления, необходимо оговорить то, чем не является сельский дневник погоды.

Создается ли дневник с намерением в дальнейшем представить его читателю – в формате рукописи или даже публикации? Превращение дневника в литературное произведение (Барт 2002) возможно при жизни автора, но претендует ли сельский дневник на будущую жизнь в «литературной» форме? Тем не менее, аудитория читателей – это не единственная целевая аудитория, к которой косвенно или напрямую может обращаться дневник. Фиксация погодных явлений – систематическая, осуществляемая в одной локальности, многолетняя – могла бы стать эмпирическим материалом для метеорологов, экологов, географов. Стоит отметить, что, будучи «сырыми», первичные данные записей дневников не могли бы стать публикуемым текстом, что сближает их с «промежуточными текстами», создаваемыми в лаборатории – (Latour, Woolgar 1986: 53), однако они являлись бы ценным первоисточником. Но есть ли на самом ли деле в обнаруженных дневниках некая «тоска по научной востребованности»?

Если посмотреть на форму записей, то мы увидим, что их основа – язык, предложенный школьной советской системой в 5–7-х классах на уроках природоведения, географии, биологии (ср.: Орлова 2006). Ведение дневников погоды, осуществление простых, но регулярных наблю-

дений, было частью образовательной программы, и эта универсальная система обозначений в большей или меньшей форме обнаруживается в сельских дневниках: значками обозначаются осадки, облачность, иногда – направление ветра. Можно предположить, что именно в территориально удаленных поселках ценность натуральных наблюдений, производимая местными жителями самостоятельно, согласно методике и определенному протоколу, была выше, нежели в городах, где представители научного сообщества, лабораторий, институтов, могли регулярно и более эффективно фиксировать погодные явления. Идея о том, что, осваивая этот язык синоптических наблюдений в школе, можно сохранять причастность к любительским научным исследованиям в будущем, которые могут быть востребованы государственными научными учреждениями, поддерживала своеобразную моду на ведение подобных дневников. Однако в 2000-х развитие технологий дистанционного мониторинга погоды поставило под вопрос ценность любых эмпирических локальных наблюдений.

Тайное желание, состоящее в том, чтобы эти кропотливо вносимые данные смог кто-то прочесть, больше не является основным мотивом ведения дневника. Дневник погоды стоит на границе между литературным и нелитературным источником (Рейнгольд 2010). Поэтому постсоветский сельский дневник погоды – это эксперимент над жанром и формой текста в процессе поиска своего «читателя» и своей аудитории. Интересно заметить, что в ряду нарратологических исследований дневников крестьян рубежа XIX–XX и начала XX в. также обнаружена ориентация на публикацию и распространение личного дневника в широком кругу читателей. Как отмечает М.В. Плисак, есть основания полагать, что дневник, который создавался и публиковался зажиточным крестьянином практически параллельно (Плисак 2008: 125), мог быть «спроектирован» и ориентирован изначально на своего читателя. Вследствие подобной «публичной» ориентации на страницах дневника появляются рекомендации по агротехнике и даже рекламные записи о развитии кооперативного движения (126), к которому имел отношение автор дневника.

Стоит отметить, что запись технологий, зарисовки инструментов и изобретений, схемы расположения сетей, формы морд (ловушек для рыбы), спроектированные автором, появляются и на страницах дневников рыбаков и охотников в XXI в. Однако, в отличие от отточенных «рекламных» записей публикуемого дневника, зарисовки изобретений в сельском дневнике погоды – это определенный вид кодировки: способ не распространить информацию и сделать ее доступной, а способ утаить, завуалировать и сделать нечетко читаемой для случайного свидетеля. На пересечении данных о погоде и рисунках механизмов и сетей можно увидеть сочетание научного протокола и научных зарисо-

вок, связанных с изобретательской любительской деятельностью жителей отдаленных поселков. Таким образом, подобный дневник становится собранием необнародованных метеорологических данных и незапатентованных изобретений.

Выше я рассматривала различия сельского дневника погоды и личного дневника, стремящегося быть прочитанным и даже опубликованным. Однако для анализа сельского дневника в конце XX – начале XXI в. ключевым моментом является именно контекст и место, где он создавался. Подобные дневники – продукт трансформаций, затронувших постсоветскую деревню: это не городской дневник, не провинциальный дореволюционный дневник, но и не деревенский дневник рубежа XIX–XX вв. Потому чрезвычайно важно обратиться к анализу доперестроечных и дореволюционных дневников, находящихся в диапазоне между «наивной литературой», «письменной формой устной речи», и «бытовым личным дневником» (Воронова 2005: 194), чтобы выявить различия между данными жанрами. Исследователь полагает, что подобного рода дневники самореферентны и не предполагают прочтения иными читателями кроме самого автора (195). Строгость и регулярность записей в бытовом дневнике приводят к клишированности формулировок (Курникова, Русинова 2002), тогда как в дневнике погоды клише не образуется за счет смешения жанра дневника и научного протокола: все повторяющиеся формулировки можно отнести к «псевдонаучным» частям ежедневных записей. Это разделение на «эмпирическую» / «научную» часть записи и хроникальную часть, посвященную событиям жизни села, района и страны, позволяет говорить о более сложноструктурированной, рефлексивной форме дневника, исследуемого на страницах данной статьи.

Близость сельских дневников погоды к жанру крестьянских дневников, широко анализируемых историками повседневности, лингвистами, этнографами, может вводить в заблуждение. Основной мотив и стержень подобных дневников – связь между трудовой деятельностью и погодными условиями, сменой сезонов и сезонными циклами. В дневниках конца XIX – начала XX в. основу составляют алгоритмические описания работ, производимых в поле, избе, на реке: боронование, уборка урожая, резка по дереву, уход за скотом, покос, рыбная ловля (см., например, Жукова 2013). Нередко указывается последовательность действий, длительность работ. На страницах дневников погоды мы видим не ежедневные записи о трудовых буднях, а прерывистую цепочку экстраординарных событий, экстремальных ситуаций (половодье, пожар, отключение электричества, затопление картофельных полей), между которыми, в дни, когда повседневная жизнь течет размеренно и без происшествий, встречаются заметки об эмоциональном восприятии состояний природы, описание праздничных или памятных дат.

Важным сходством дневников крестьянина начала XX в. и промысловика начала XXI в. является фигурирование в записях денежных сумм: покупка скотины, стоимость строительных материалов, хлеба. Для рыбацкого дневника, хозяин которого с большим волнением и тревогой раскрывал передо мной некоторые страницы разных лет, характерна ежедневная (в случае улова) фиксация стоимости сбыта продукции, подсчитанная по количеству рыб различных видов и размера (веса). Если в случае крестьянского дневника цены и объем вырученных денег появляются в дневнике периодически, обозначая «эталонные» или «нормированные» цены, характеризующие цены в регионе / городе / селе в определенный сезон (осенняя ярмарка) или год, то контроль над финансовыми операциями, ежедневный, параллельно с ежедневным мониторингом погоды и улова, является одной из ключевых особенностей современного промыслового дневника или дневника охотника (Миханев 2011). Есть и другой способ фиксации поступлений в бюджет, зафиксированный в ходе сбора полевых материалов, когда ритм уловов и ритм сбыта рыбы расходятся. Так, состав улова, наличие икраных самок, размерный ряд фиксируются почти ежедневно, тогда как продажи осуществляются большими партиями, по результатам накопления в холодильниках большого запаса ценных пород рыбы. В этом случае подобные продажи сбивают ритм всего дневника (в том числе записей о погоде), и информация выписывается в рамочке по центру страницы (*«Сдал стерлядь на 43 000 р.»*).

Еще один жанр или вид эго-документа – полевой дневник участника экспедиции (геологической, археологической, ботанической). Сходство подобных дневников с сельскими дневниками погоды заключается в том, что личное, бытовое, эмоциональное, повседневное появляется в тексте на фоне записей, имеющих регулярный характер, которые возможно в дальнейшем использовать для научного отчета. Отличие полевого дневника в том, что он действительно является «частью полевой документации» (Чистяков 2011; Иващенко, Толпеко 2015: 117) и ведется человеком, имеющим институционально закреплённую принадлежность к научно-исследовательскому институту, лаборатории, музею, разведывательной компании.

Чрезвычайно важная особенность анализируемых в данной статье дневников погоды – это умалчивание любой, хотя бы косвенной, информации о личности автора. Его положение улавливается через действия (*«чинил весь день сети», «посадила помидоры», «белила потолок в зале»*) или через эмоциональное состояние, отражающееся в поэтическом описании природных явлений (*«14.11. Деревья в инее, очень красиво, как в сказке»*). Но даже подобные высказывания встречаются чрезвычайно редко. Преобладающие глаголы описывают действия других людей: соседей, друзей, поселковых ребятишек, начальства, всего

сообщества в целом, но не жизнь автора. В этом смысле дневник погоды, содержащий также и хроники жизни села, и много других компонентов, не имеет функции отражения и переосмысления собственной идентичности, положения в сообществе, не нацелен на понимание самого себя (Пигров 2002; Калыщикова 2010: 61), подобно дневникам писателей, людей, занимавших публичные должности и профессии (профессор, учитель, художник, актер).

Каждая деталь в структуре дневников различного авторства и назначения чрезвычайно функциональна и при этом достаточно символична, указывает на внетекстуальные особенности и феномены, которые представляют особый интерес для исследователя. Ниже я выделяю те базовые характеристики, без которых невозможно рассказать, как в социальном контексте «работает» дневник.

Авторы частных сельских дневников: кто и зачем их ведет?

Широкий диапазон жанров и стилей, в рамках которых составлены сельские дневники, подводит нас к мысли о связи между социальным статусом, профессией, положением автора в местном сообществе, мотивами автора, и жанровыми и структурными особенностями создаваемых текстов. Поэтому прежде чем обратиться к детальному анализу дневников, мне хотелось бы понять, кто является авторами этих текстов и что ими движет, когда они начинают систематически записывать свои наблюдения и измерения. Дневники, анализ которых лег в основу данной статьи, обладают следующими общими признаками. Во-первых, это дневники, созданные представителями сибирских локальных сообществ, которые расположены на берегу Оби, сильно зависимы от режима реки, погодных условий, влияющих на изоляцию поселка от Большой земли, а значит, на всю систему жизнеобеспечения. Во-вторых, это дневники сельских жителей, и в этом смысле они представляют собой традицию «провинциального» / «локального» / «периферийного» письма. Существует обширный корпус литературы, посвященной социально-историческому и биографическому контексту создания подобных дневников: это сельские дневники [rural diaries] (Motz 1987), традиция карманных дневников-заметок в XIX в. (McCarthy 2000), повседневные / рутинные записи [ordinary writings] (Lyons 2007), дневниковые женские записи в XIX в. (Bunkers 1990), периферийная / местная [vernacular] традиция письма (Barton 2007). В-третьих, это дневники, стержнем которых является не хроника событий и не личные переживания и мысли автора, а строгая фиксация природных явлений и погодных условий. В этом смысле, данное исследование также вписывается в традицию «наивной» / «непрофессиональной» метеорологии (Wheeler 1994) повседневной экологии [everyday ecology] (Williams

2017), климатических наблюдений и наблюдений за природой (Anderson 1999; Slonosky 2014; Bernhardt 2015). Наконец, в-четвертых, это источник данных о погоде, который скрывает в своей структуре сведения о чем-то большем: истории семьи (Noble 2017) или повседневности всего локального сообщества (Слепцова, Кызласова 2017).

Зачем вести дневник? Вернее – в каких случаях и при каких обстоятельствах он может пригодиться? Кому важно отслеживать динамику погодных явлений, состояние объекта окружающей среды? В первую очередь – тем, кто имеет дело с Рекой и Землей. С одной стороны, это рыбаки и судоводители, с другой стороны, это люди, занимающиеся огородничеством. Основной мотив ведения дневника определяет его структуру и основные компоненты.

Дневники огородников

Огороднику необходимо учитывать амплитуду перепадов между дневными и ночными температурами, осадки, экстремальные погодные явления (град, грозы, ураган, поздние заморозки и снегопады). Структура дневника определяется, как в некоторых обнаруженных случаях, календарным годом и начинается с 1 января, тогда как в некоторых случаях записи начинаются с того момента, когда первые семена будущих саженцев засевают в подготовленную почву в домашних условиях. Так, например, у одной из огородниц Александровского района каждый год начинается с конца февраля, когда она «сеет перец» (20.02) и «высеивает помидоры» (18.03). Дневники такого типа содержат глаголы, характеризующие наблюдение и фиксацию собственных действий («посадила», «посеял», «полила», «отпасыновал», «прополола», «взрыхлила») и – наблюдение за активностью растений («взошли цикломены», «зацвели», «[созрел] первый огурец»), а также указания на явления окружающей среды (заморозки, осадки, ледоход, гроза, град). В некоторых случаях один глагол, отмеченный в дневнике, может отражать сразу несколько явлений. Так, например, словосочетание «копали картошку» говорит нам о том, что (1) семья копала картошку, т.е. провела часть дня или весь день за этим занятием, (2) поскольку картошку копали в эти даты, значит, она уже созрела и выросла достаточно, чтобы ее выкопать и, (3), что в этот день стояла погода, которая была благоприятной для выкапывания (без дождей, без сильных заморозков, сопровождающихся промерзанием верхнего слоя почв).

Существуют, согласно устному пояснению самого информанта, важные технологические отметки в дневнике погоды, которые позволяют четко соблюдать процедуру вмешательства в природную среду и цикл жизни растений. Например, записи от 16.04 «полила рассаду и цветы комнатным корнесилом» или от 24.04 «полила удобрением все

помидоры в малой спальне» означают то, что через определенный промежуток времени обработку нужно будет повторить и потому необходимо зафиксировать эту дату (ПМА 2019). В некоторых случаях автор отмечает состав смеси, рецепт приготовления: 24.07 «опрыскала завязь помидоров борн.[ой] кислотой с содой (1 ч.л. соды и $\frac{1}{4}$ л.б. кисл.)».

Рис. 1. Схема посадок на приусадебном участке. Александровский район Томской области

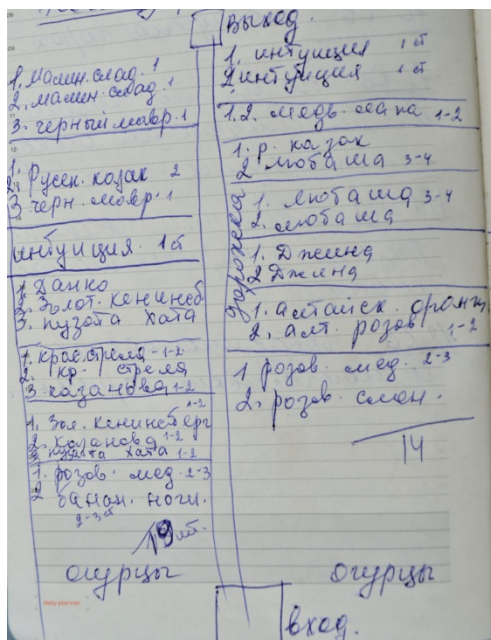

Рис. 2. Схема посадок в теплице Александровский район Томской области

Существенным компонентом дневника погоды заядлого огородника являются объемы и время появления самого продукта, ради которого было приложено столько усилий: овощей, фруктов, ягод и цветов. В изучаемых районах особенность деятельности сельских жителей заключается в том, что продукция сада и огорода остается на 80–90% для личного пользования семьи и на 10–20% уходит на раздаривание родственникам, обмен, продуктовую помощь малоимущим семьям в деревне. Дневниковые заметки снабжаются иллюстрациями, планами садовых участков (см. рис. 1) и посеянных саженцев / семян. Таким образом, на целый сезон, до следующей весны, пространство приусадебного участка структурируется по особым правилам, и, таким образом, становится «придомовым пространством». Несмотря на редкость подобных форм визуализации, эти схемы вмещают в себя не только простран-

ственные, но и временные характеристики, сохраняя данные и память о том, какие границы и правила действуют на территории и в пространстве теплицы (см. рис. 2) до окончания определенного природного цикла.

Рыбацкие дневники

Рыбацкие дневники – особый жанр, «арго» в мире дневников разных типов. Они порождены техниками конспирации в большей степени, нежели логикой строгого протокола, которому стараются в разной степени следовать авторы дневников, занимающихся огородничеством, следящие за событиями в селе, или ученые, дотошно фиксирующие динамику различных показателей. Дневник промысловика – сочетание бухгалтерской книги, метеонаблюдений, скетчей и технологических набросков, скупых заметок о жизни села и событий личной жизни. В связи с некоторой неполнотой моей выборки (не довелось ознакомиться с дневниками женщин-рыбачек), анализ рыбацких дневников – это анализ текстов, написанных исключительно мужчинами, но в совершенно разных контекстах. Для женатого рыбака, содержащего семью в большей степени при помощи рыбной ловли, дневник – способ учета части общего хозяйства, попытка контролировать и прогнозировать природные процессы, равно как и структурировать личное время, разделяемое на заботу о семье и хозяйственные обязанности. Поэтому здесь «рыбацкий цикл работ» – индивидуализированный, тайный, персональный. Напротив, для мужчины, живущего самостоятельно, без семьи, дневник, промысловый личный журнал, не является способом обособления от семьи. Он скорее упорядочивает наблюдение за теми событиями и явлениями, наблюдать которые имел возможность лишь автор, без каких бы то ни было свидетелей. Таким образом, прибегать к дневнику – означает прибегать к воспоминаниям, зафиксированным в форме фактов и цифр, особенно в том случае, когда это воспоминание никто не может опровергнуть или подтвердить.

Помимо того, что дневник – это способ индивидуализации, свидетельство и хроника, он является не только научным, но и юридически значимым документом, который таит в себе опасность «невольного свидетельства». В этом смысле, согласно нескольким интервью, поделиться информацией из дневника означает не только доверие (другу, супруге, брату, исследователю), но и помещение свидетеля в уязвимое положение вместе с автором дневника. Так, один из рыбаков запретил мне фотографировать страницы дневника, записывать на аудиозаписи его комментарии, объясняя это не только опасениями, что я могу разглашать информацию публично и вызвать тем самым инспекторские и прокурорские проверки, но и тем фактом, что прочитавший дневник и сохранивший его в архив становится сопричастен той информации, которая отражена в дневнике и, тем самым, также находится в опасности.

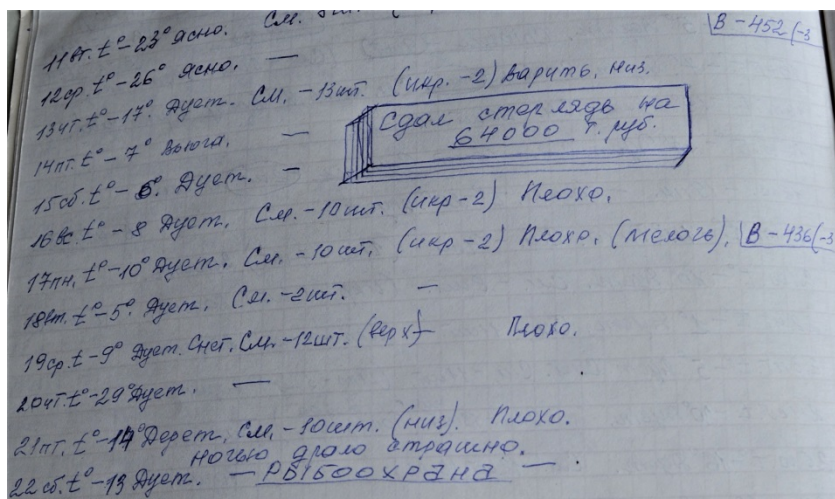

Рис. 3. Фрагмент дневника рыбака-промысловика.
Александровский район Томской области

Рыбаку важно знать не только температурный режим, но и силу и направление ветра, а также весьма специфический и значимый для промысла показатель – уровень воды в реке. Сопоставляя данные об объеме и составе улова и показатели уровня воды, рыбак принимает решение, на каком виде лова ему сконцентрироваться при конкретных погодных условиях, какой вид снастей использовать. На представленном выше фрагменте (см. рис. 3) дневника мы видим в рамке обведенные показатели уровня воды (В-436), сумма на которую была сдана стерлядь за один раз, количество икрыных самок в улове (икр-2), температуру воздуха, силу ветра, которая влияет на комфортность проверки самоловов и сетей («дерет», т.е. при подъеме со дна самоловов, ветер на поверхности воды вырывает из рук снасти, разворачивает лодку и делает промысел почти невозможным). Мы видим также указание на объем улова, который отмечается не количественно в данном случае, а словами «плохо», и размерный ряд рыбы («мелочь»). Дневник также отсылает к локациям в пространстве, где производится промысел («низ» и «верх» относительно расположения поселка по течению Оби).

Дневники инспекторов

Вопрос о том, кому важны дневники погоды и в каких целях их можно использовать, получает неожиданный ответ, когда мы смотрим на знания о реке, об уровне воды, ветрах и температурах с позиции не производящих и добывающих субъектов, а контролирующих инстанций. Фактически, зная сезонное состояние ихтиофауны – периоды миграции, нереста, которые связаны с температурным режимом реки, ле-

доставом и ледоходом, ветрами и атмосферным давлением, – можно определить, когда улов будет наиболее успешным. Это знание нужно не для того, чтобы поймать рыбу, а для того, чтобы поймать рыбака.

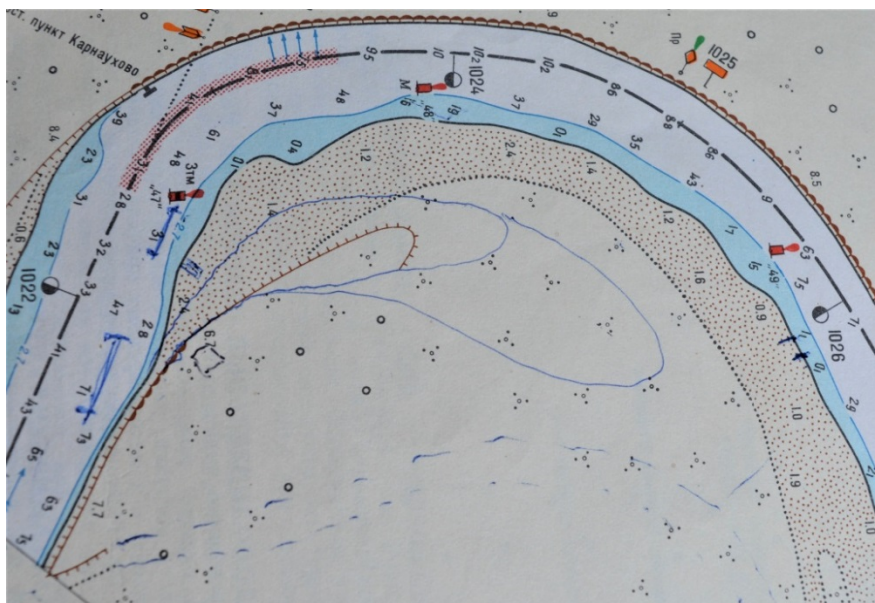

Рис. 4. Фрагмент лоции Оби с пометками информанта.
Молчановский район Томской области

Перемещение рыбаков, их деятельность по установке сетей и самоловов, фитилей и морд может, в контексте работы инспекторов, восприниматься в качестве объекта натурного наблюдения. Базовая форма фиксации наблюдений представляет собой таблицу (дата, место (километр реки), температура, осадки, ветер, количество снятых самоловов в данной точке), но наиболее интересная часть подобного дневника – это способы визуализации наблюдений, представленных на детализированной лоции Оби. На представленном выше фрагменте лоции Оби (см. рис. 4) отмечены извлеченные со дна ставы с самоловами. Точная локализация их и расшифровка в дневнике (вместе с погодными и сезонными условиями) позволяют на следующий год безошибочно определять место установки снастей и, таким образом, прогнозировать поведение рыбаков. При этом квадратиком отмечаются избышки, дома, рыбацкие базы, которые известны специалисту, нередко подписывается имя хозяина. Линии и пунктир на карте отражают многолетние наблюдения за русловыми процессами, образованием и замыканием протоков, изменением формы берегов и фарватера. Таким образом, природные и социальные процессы, протяженные во времени, находят свое отражение на плоскости карты.

Дневники сельской интеллигенции

Встречаются среди авторов дневников и люди, не занимающиеся напрямую ни каким-то определенным промыслом, ни уходом за огородом и садом. Их интересует не продуктивность отдельно взятого хозяйства или эффективность промысла в определенных местах определенными орудиями лова, с учетом погоды и сезонных изменений, а совокупность успехов и провалов в области использования природных ресурсов в сельском сообществе. Как правило, такие дневники ведут школьные учителя, фельдшеры и медсестры, лесные инженеры, сотрудники музеев и домов культуры. Для сельской интеллигенции, наряду с отметками, какого числа их семья выкопала картошку, важна дата первого урожая в деревне, первого огурца, появившегося у соседей. Описывая события, они невольно делают сопоставление функционирования домохозяйств, запечатлевая в дневниках неравенство в доступе к ресурсам и условиям труда.

С одной стороны, жанр дневника погоды, формируемый сельской интеллигенцией, наиболее существенно удален от научного протокола наблюдений за погодой и представляет собой переходную форму между дневником наблюдений и летописью жизни села, в котором природные аспекты тесно связаны с социальными. С другой стороны, именно в этих дневниках, аккуратно разграфленных и превращенных в таблицу, отмечаются условными значками осадки, тип облачности. Иными словами, именно они используют универсальный код, легенду метеоявлений, знакомую еще со школьной программы.

Зачем вести дневник и как он «работает»?

Вернемся к вопросу о целях ведения подобных дневников гибридного типа. О чем они рассказывают и что упорядочивают? Очевидно, что страницы дневника связывают воедино события и феномены разного масштаба и порядка, заставляя эти явления «говорить» на языке регулярности и цикличности. Этот принцип и ритм задаются метеосводками и наблюдениями за состоянием погодных условий. Прогнозируемая сезонность, смена времен года, заранее известное количество дней месяца – все это создает видимую стабильность, которая оказывается нарушена тут же, на соседних столбцах дневника. Непредсказуемые и нерегулярные события (завоз продуктов, открытие зимней переправы, рейсы водного и воздушного транспорта, смерть и рождение, болезни и охотничьи удачи) – все это нанизывается на основу, состоящую из регулярно наблюдаемых явлений: температуры, облачности, силы ветра и т.п.

В связи с этим, мы можем сделать вывод о том, что выбранный смешанный жанр письма создается каждым автором как текстовая им-

провизация, которая позволяет создать собственное пространство текста, «обладающего властью над тем внешним, от которого он сначала был отделен» (Серто де 2013: 242). В данном случае неординарный выбор компонентов для описания в дневнике определяется тем, какие элементы жизненного мира автора дают сбои чаще других, потому требуют текстуализации и упорядочивания, позволяя «воздействовать на окружающее и трансформировать его» (244). Ниже будут описаны все нетипичные компоненты подобных дневников, столь же непоследовательных, сколь и поэтичных.

Компоненты дневника

Первый столбец дневника после даты отведен показателям дневной (иногда также и ночной) *температуры*. Также практически неизменным компонентом записей в течение всего года являются показатели облачности. Интересно, что в особых случаях или при описании в других столбцах значимых событий и явлений, знак «солнце», обозначающий безоблачную солнечную погоду, рисуется с человеческим лицом. Например, «солнце с человеческим лицом» появляется в момент, когда весной стабильно высокие температуры приводят к таянию протоки, разделяющей деревню на две части: «24.04. На протоке затор. У нас растаял Полой» или «Растаял Полой (подчеркнуто красным). У нас зацвела уже медуница». Тем не менее эти данные заносятся в тетрадь наблюдений только синей ручкой и ни при каких обстоятельствах не помечаются красными чернилами. С одной стороны, колебания температур – это стержень такого рода дневников, но, с другой стороны, акцентирование других показателей и их выход за рамки заранее очерченных граф говорят о постепенном росте значимости других, внепогодных явлений или явлений, косвенно с ней связанных.

Ритм дневника прерывист. Дневник заполнялся в организации, в течение рабочего дня, поэтому информация о погоде, температуре и других событиях в субботу и воскресенье отсутствует, за исключением экстраординарных событий, которые вписываются между строк постфактум. Но есть периоды и сезоны, когда записи ведутся непрерывно – это периоды половодья и схода льда, а также период ледостава и установления зимников. Большая часть записей о том, что лед идет, подчеркнута красным фломастером или написана красной ручкой.

Интересно, что *ледоход* не локализован в дневниках только по месту проживания автора: информация о ледоходе на Томи и выше по течению Оби передается через неформальные сети оповещения («М.И. звонила дочь, сказала, что смотрели, как шел лед на Томи, все чисто»), и потому отметки о состоянии реки в других населенных пунктах также

присутствуют в записях. Весной во время ледохода выше по течению, а поздней осенью – начиная с обской губы, записываются сообщения о промерзании Оби и установлении льда на реке. Например: «18.04. Обь идёт в Тогуре, вернее, в Колпашево» (помечено красной ручкой); «19.04. В Парабели идет лёд. Подвижка [льда] на Нарымской луке; 20.04. Идет лёд на Оби, на Нарымской Луке» (красные чернила)». В частоте записей, в фокусе внимания проявляется драматургия событий, которая динамично разворачивается на фоне почти неизменного температурного режима и других фоновых явлений. По записям мы можем проследить, как едва замерзшая река превращается в прочный плацдарм для перемещения между двумя поселками и райцентром: «08.11. Нарымская Лука затянулась, но еще полыньи. Сегодня люди перешли ее на работу. 10.11. Через Нарымскую Луку поехали бураны, мотоциклы. 13.11. N. на жигулях переехал Нар. Луку (подчеркнута дата и часть записей. – Л.Р.). 16.11. Переехали Нар. Луку на джипе, легковая, таблетка». Мы видим, что прочность льда и стабильность переправы измеряются той степенью риска, которую берут на себя первопроходцы – каждый в своем весе: пешеход, жигули, джип, буран. После того, как все типы техники пересекли протоку, путь может считаться открытым. В отличие от тех крупных официальных ледовых переправ, которые открывает и закрывает МЧС («12.12. На Оби повесили 2 т.»; «16.12. На Оби повесили кирпич»; «18.12. На ледовых переправах уменьшают тоннаж»), прочность временных зимников через реку проверяется опытным путем. И потому каждый опыт требует детальной фиксации в дневнике.

Смена сезонов репрезентируется в дневниках погоды по разным признакам, которые постепенно накапливаются, как, например, подтверждение наступления весны: «13.04. прилетели скворцы; 14.04. Первый вертолет и ледоход на Томи». В данном случае народные приметы, функционирование транспортной инфраструктуры и режим реки являются предвестниками и знаками смены сезонов: «Замерзла протока. Утки наши сбились в стаю и так и сидят, а вокруг лед. Селезень один ходил по льду»; «11.04. Прилетело много птиц уже. Мартыны прилетели»; «15.04. Идет снег. Прилетели кориуны, ветрина, холодина»; «19.05. Появились комары. Туча их!»; «Зацвела сирень»; «N. первый раз купался». Значимые события могут указываться не в хронологическом порядке, а с инверсивной логикой. Так, например, известие о том, что «прилетели лебеди» 10.04 следует после дневниковых записей от 20.04.

Один из ключевых аспектов в дневниках жителей сезонно изолированных приобских поселков – функционирование инфраструктуры. Дошнo отмечается, когда «закрыли дорогу» или «закрыли зимник» и когда зимник открыли; когда прилетел первый вертолет в период бездорожья или «пришел первый Восход» (красные чернила). Интересно, что

отключения электричества в поселке в некоторых случаях связываются с природными явлениями: «08.07. со светом весь день была проблема после грозы», а в некоторых – с деятельностью специальных служб: «24.06. На целый день сегодня отключили свет, ремонтные работы на электростанции». Попытка влиять на среду и инфраструктуру, преобразовывая ее, параллельно с природой, которая может разрушать построенное человеком, отражается в следующих записях: «Через Нарымскую Луку на жигулях проехали. ЖКХ два дня переправу заливали»; «03.08. Холодно. Сыро. Приехали дорожники, делают дороги».

Прогнозы: источники данных и технологии наблюдения

Каким образом авторы дневников получают данные, которые они фиксируют в своих дневниках? Всегда ли это «эмпирические» данные, полученные непосредственно из натурных наблюдений и насколько подобный способ «перевода» данных из наблюдений в зафиксированные факты соответствует логике научного протокола? Первый источник данных – это собственный зрительный опыт («ходила смотреть ледоход»), тактильный опыт («снег выпал рыхлый»), а также субъективные ощущения, например «сильный ветер» (невозможность определить точную скорость ветра с помощью приборов). Второй источник – это бытовой термометр, по которому фиксируются показатели температуры. Наконец, третий источник – это изустно переданная информация от знакомых и родных: доверять наблюдение явных природных явлений можно в случае, если наблюдатель находится в другом населенном пункте, выше по течению, и может сообщить сведения, которые спустя время отразятся и на состоянии реки в их селе («звонили с Томска, лед прошел у них уже»).

Если обратиться не только к наблюдениям, но и к прогнозам, то мы обнаружим еще три источника информации. Это, безусловно, слухи и мнения членов местного сообщества: «теперь уже **говорят**, что июнь и июль теплыми не будут. +16 ... +18. Посмотрим». Прогнозы на несколько недель и месяцев вперед могут быть почерпнуты также из новостных передач: 30.03.07. Обещают наводнение, которое бывает раз в 100 лет (Обведено в рамку); По TV в новостях передали, что ноябрь, декабрь, январь будут значительно холоднее, чем в прошлом году, а февраль – наоборот. или же из интернета: «29.06. По интернету погода до 4 июля дождик. Не холодно, не жарко». Наконец, таким источником могут быть народные приметы и их локальная интерпретация: «по приметам – какие три числа июня, такое и лето будет. Каждое число соответствует месяцу»; «У нас сосульки висят большие, > метра. По приметам, если сосульки длинные, весна будет затяжной»; «Примета:

если на Покров осадков не было, через месяц снега еще не будет. В этом году не сбылось».

Важно, что проверка прогнозов требует постоянного обращения автора дневника к предыдущим записям, чтобы сверить реальную погоду и прогноз / примету. Так, в последней цитате мы видим, что автор позднее приписал «в этом году не сбылось», что потребовало ожидания длиной в целое лето. Дневники, содержащие приметы погоды, также богаты на параллели между церковными праздниками и погодными / сезонными / природными явлениями. Так, например, в дневнике сельской интеллигенции каждый год урожайность года и погодные условия за лето описываются именно на Покров: *«14.10. Покров. Очень много в этом году грибов, малина (но не у всех), смородины, облепихи, жимолости, калины, рябины, черноплодной смородины, брусники, клюква вымокла (ездили мужики далеко где-то брали), в огородах хороший урожай на все. Шишки были немного и плохая»*.

Социальная хроника: повседневность и мобилизация сообщества

Особое место в дневниках занимает хроника поставок продуктов в межсезонье на правый берег Оби, которая описывается в параллели с состоянием реки и притоков, температурным режимом, экстремальными погодными явлениями: *«В магазин N. вчера привезли груз. На протоке большие забереги»*; *«28.04. первый груз в магазине N.»* (красные чернила); *11.04. Туман. Сегодня N. привез груз последний раз «Вертолет (пассажиры, почта). Ветер холодный, северный»*. Стоит отметить, что поставки продуктов отмечаются гораздо чаще в женских дневниках, независимо от профессии и семейного положения. В мужских дневниках нехватке продуктов и вещей в магазинах поселка уделено мало места, и, возможно, это связано с тем, что в сельских семьях Приобья большая часть мужчин связана с обеспечением семьи продуктами природного происхождения, тогда как женщины отвечают за закупки необходимых продуктов и хозяйственных товаров в магазине и не могут, в случае отсутствия, найти им адекватную замену: *«19.05. Пришла плавучка. Купила ведра под цветы и биотуалет»*.

Личные, семейные хозяйственные дела, рождение внуков и уход за могилами родителей (*«Толя сделал забор по переулку и в палисадник»*; *«12.05. Достали картошку из погреба»*; *«04.06. Привезли С.»* (примечание ниже); *«26.04. День рождения С.»*; *«26.05. Покрасила пол-оградки на кладбище»*) переплетаются с публичными событиями, общественными инициативами, праздниками, заботами. Например, есть записи о совместном труде: *«17.05. Ходила на субботник на кладбище»*; или *«05.05. Уборка улиц в поселке до памятника»*. Некоторые записи отражают наблюдения о промысловых и трудовых практиках соседей и

друзей, которые совпадают с началом определенного сезона и этапа жизни в годичном цикле, а также связаны с погодными условиями, например: «24.04. N. выехал на весновку»; «Уехали мужики на реку N.»; 17–18.11. Снег шел два дня. На Оби рыбаки самоловы ставят.» «20.11. Все ставят самоловы. За шишками на буранах [поехали]. N.N. за окунями уехал».

Драматичный фрагмент одного из дневников повествует о влиянии половодья на жизнь людей, состояние урожая, затопление жилых домов и дорог, показывая, как люди объединяют усилия, чтобы справиться со стихией и как наблюдают бедствие, передавая друг другу информацию. Все начинается с единичных случаев: «15.05. N.N. отпросился с работы домой, т.к. у него топят огород и скотину»; «18.05. Вода всё ещё прёт. N.N. поехал вывозить скотину на пароме». Затем природные катаклизмы, затянувшееся половодье провоцируют общую тревогу и беспокойство: «20.05. Кругом паника, что еще см 80 воды прибудет и ливни обещают (посмотрим!)»; Совместно жители «на протоке прокопали трубу, чтоб хоть немного [вода] ушла». «22.05. Дамбы сочатся, со стороны кладбища вода прибывает»; 25.05. «Вроде вода остановилась»; 24.05. «Вода до тротуаров, пекарня в воде. Ул. Озерная (за клубом) тоже в воде все тротуаром. Дом N. тоже вокруг везде вода, будет стелить мостки, по ливе² лодки ездят. Возле АЗС лива перелилась через дорогу у нас за огородом на нижний склад разлилась, но отсыпали дамбу. Возле лодочной по ул. Береговой тоже отсыпали весь берег, т.к. вода на берег вышла». Половодье ставит под угрозу нормальное функционирование ключевых инфраструктурных объектов села: «30.05. Большая вода. Подошла почти к РАЙПО и верт.[олетной] площадке». Но позднее созданная для защиты от стихии конструкции начинает разрушаться: «01.06. Дамбы подсыпают, т.к. их сильно подмывает волной». А затем мы узнаем из хроники, что дамбу и совсем прорвало: «08.06. Вода понемногу отступает, но очень медленно и помалу. На прошлой неделе, когда был сильный ветер в поселке по ул. N. прорвало дамбочку, которую делали сами жители высотой примерно 40 см. И вода хлынула к людям в огороды. N. уже все посадили, теперь на лодке плавают, затопило и дошла до огородов по ул. Береговой до дома № 52. Но к И.И. в огород не зашла, но к соседям ее не зады огорода зашла».

В некоторых случаях экстремальные погодные явления настолько масштабны («Ветер на реке, ужасный вал»; «Ужасный ветер. Драло все, мотыляло, страшно было»), что требуют не просто объединения усилий, но обращения к администрации и проведения экстренных совещаний: «Топит. Вчера дамбу прорвало. Засыпали. Сегодня в администрации был слёт по наводку. Говорят, что еще будет сброс воды» (на Новосибирской ГЭС. – Л.Р.).

Записи о мобилизации сообщества в связи с половодьем или проведением субботника перемежаются с описаниями праздничных гуляний и значимых для поселка / села дат. Погода и сезон, длина светового дня и температура оказываются немаловажными факторами, влияющими на успешность мероприятий: *«День села. Когда артисты начали свою дискотечную программу «Золотые 80-е, лихие 90-е», уже стемнело и бедные ведущие (имена) вели [программу] в полной темноте, зрители их не видели, а они – зрителей. Свои слова они подсвечивали телефонными фонариками. Вот такая организация».*

Посредством кратких записей, почти намеков, в сельские дневники погоды проникают события, происходящие за пределами населенного пункта. Недельные, месячные циклы, связанные с особым характером погоды в каждом месяце, пересекаются, но не совпадают с циклами выплаты зарплаты, которые в некоторых дневниках выделяются красным подчеркиванием: 14.05 «З/пл». Отслеживается задержка зарплаты и других выплат, а также различные реформы: «*Нас перевели на карточки*». Если женские дневники больше связаны с циклами выплат в бюджетных учреждениях и ИП (магазины, аптеки), то мужские дневники отражают котировки валют, объемы заработков (как упоминалось в разделе про рыбацкие промысловые дневники), а также позволяют сопоставить валютные курсы и политическую обстановку в стране. Так, в одном из дневников отмечается, что «*Ельцин пошел на второй срок*», а рядом – символ нового года – года крысы по восточному календарю, отмечается и комментируется вступление стран в ООН или НАТО. Так в хроникальные записи о жизни села, промысловый журнал, книгу учета доходов и продаж вплетается политическая сатира.

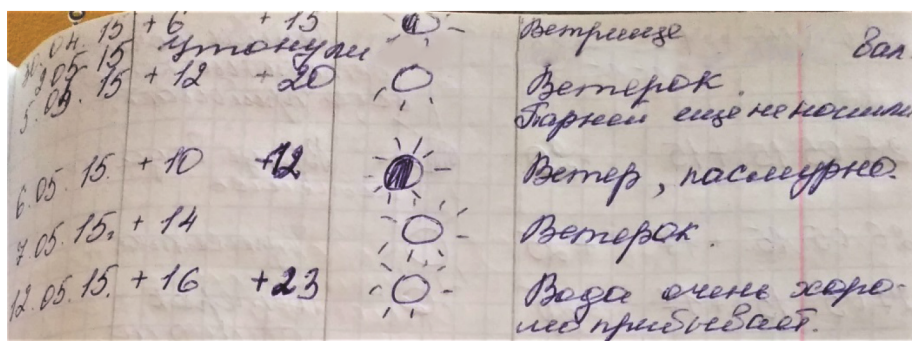

Рис. 5. Фрагмент дневника погоды со вставкой посмертной записи о гибели односельчан. Парабельский район Томской области

Параллели данных о погоде в левых столбцах дневников и хроники социальной, экономической, досуговой жизни села выходят за рамки событийной линейной логики. Подобная хроника сжимает в пучок яв-

ления разных порядков, показывая, как связаны совершенно немислимые вещи: гроза и снабжение электричеством, рождение ребенка, приезд гостей и состояние дорог, промысел ценных пород рыбы, уровень воды в реке, состав политической элиты и аппарата президента, а также цены на рыбу и курс валют в мире. В этих дневниках смерть имеет свою графу, свое место, а, точнее, не имеет «подходящего» места и колонки, и потому записывается поверх всех разграничений и линий.

Весной, в сезон, когда на реке бывает высокий вал, переправа на лодках через Обь возможна, но опасна. 30 апреля автор дневника сообщает (см. рис. 5), что на реке – «ветрище». 5 мая она делает запись в дневнике: «Ветерок. Парней еще не нашли». И лишь позднее, между строками с «нормальными» записями о погоде 2 и 3 мая другой ручкой вписана фраза: «02.05. Утонули N.N. и M.M. Вал.». Мы видим, что в данном случае надпись пересекает границы граф и столбцов, отведенных для фиксации температуры и облачности, нарушая привычную упорядоченность дневника.

В этой записи, находящейся в реверсивной логике на территории «прошлого», мы видим отражение несколько функций сельского дневника погоды: воспоминание о прошлом, упорядочивание прошлого, сохранение памяти, фиксация наблюдений для прогнозирования, рефлексия о событиях через выбор «местоположения» записи на странице и в целом – в структуре дневника.

Заключение. Сельские дневники погоды как лаборатория по производству социального

В данной статье мы собрали и поставили в один ряд совершенно различные по форме и содержанию дневники погоды и промысла. Но есть в них и нечто объединяющее, указывающее на то, что все эти жанры письма стремятся на фоне стабильных, циклических, прогнозируемых данных о погоде и смене сезонов зафиксировать нестабильные и уникальные социальные явления, которые «приручаются» историей, будучи вплетены в контекст регулярной сетки с датами и динамикой температур. Мы видим, как смерть появляется на страницах дневников погоды, тревожно сочетаясь со штормом и поиском пропавших без вести. Смерть проникает через инфраструктурные компоненты – вертолетные перевозки тела, фиксацию похорон. На тех же страницах дневника отмечен юбилей, выпавший на жаркий полдень или приезд новорожденного, претерпевшего в пути с родителями злосключения во время дождя и шторма. Структура и особенности праздничных мероприятий переплетаются с погодными условиями долгой ночью, а также оказываются под влиянием электроснабжения в поселке, нехватки аппаратуры. Таким образом, можно утверждать, что данные «сельские дневники пого-

ды», хотя терминологически и обозначены как «дневники», на самом деле представляют собой форму «гибридных документов», не принадлежащих вполне ни жанру личного дневника, ни жанру профессионального дневника, ни жанру / формату протоколов, фиксирующих наблюдения, эксперименты и показатели в ходе научного исследования. В чем уникальность текстов / документов / протоколов, которые я представляю на суд читателей?

Во-первых, подобный дневник не является промежуточной площадкой для фиксации и кодирования данных на пути к созданию научно-исследовательской статьи. Как автобиографический нарратив или исторический документ подобный дневник также не создается с целью дальнейшей публикации (в отличие от некоторых видов личных и интимных дневников интеллигенции). Таким образом, текст дневника пишется «набело», он никогда не остается в форме черновика и, таким образом, является самореферентной системой.

Во-вторых, данный дневник является результатом целой серии «переводов» данных и содержит на одной странице, в одной информационной строке, информацию разного порядка и уровня, записанную с помощью цифр, букв и иных визуальных обозначений. Таким образом, страница дневника, одна дневниковая запись сама по себе является единицей информации гибридного типа, которая существует и имеет смысл только в состоянии смешанности и неразличимости. Тем самым она отличается от документов лаборатории, которые смешиваются «слоями», накладываются (*juxtaposed*) друг на друга (Latour 1986: 47), например в случае соположения на столе текста научной статьи, таблиц данных и черновиков новой публикации, но не смешиваются в структуре одного текста буквально.

Специфической особенностью сельских непрофессиональных дневников (которые ведутся вне метеорологической станции) является их самозамкнутость внутри локального сообщества. Иными словами, подобные дневники не созданы для передачи, трансляции в региональный или федеральный центр, как эмпирические данные, направленные из конкретной локальности. Это наблюдения, имеющие гибридную форму, стержнем которой является протокол научных наблюдений. При этом они остаются не востребованными наукой, научным сообществом и потому продолжают существовать со старым «синтаксисом» в новой логике сезонно изолированных сообществ. Эти дневники – совокупность данных, которые никто не обобщает, и совокупность сигналов S.O.S., которые не принимают ни на одной волне. Синоптические шифровки, так и не направленные в Центр.

В-третьих, в отличие от дневников эмпирических и полевых наблюдений исследователей (от этнографов, палеонтологов, археологов, до исследователей, работающих в лаборатории – медиков, химиков, физи-

ков), сельские дневники погоды дают нам пример не последовательной текстуализации реальности, не поэтапного перехода от материальности природных явлений (ландшафт, растения, проба почвы, анализ структуры, анализ состава, записи, графики, таблицы) к закодированным показателям и данным, а от них – к публикации; напротив, они идут *реверсивным* путем: от максимально сухой и упрощенной протокольной формы («+7, мал.обл., 6 м/с, 1043 см») в левом столбце записей до разворачивания поэтического описания, детальных описаний повседневности и авторефлексии автора («*Деревья в инее, очень красиво, как в сказке*»).

Этот процесс развертывания мелких деталей из ядра – сухих метеорологических любительских наблюдений – удивительным образом меняет и статус закодированных данных, и статус описаний повседневной жизни, событий, эмоций, планов и оценок. Фактически сельский дневник является хабом «продуцирующей инстанции» (Latour 1986: 48) в нескольких измерениях, и в этом смысле превосходит по глубине хаб в лаборатории: исследовательский стол. Таким образом, «восходящая логика» текстуализации, описанная Латуром, переворачивается, обнажая иные способы использования деконтекстуализированных фрагментов «научного языка» в сельских дневниках. Погодные явления, т.е. отраженные в журнале наблюдений состояния окружающей материальной среды и ландшафта кодируются («приемы записи» (Derrida 1977; Latour, Woolgar 1986) с помощью сокращений, значков, цифр, буквально: куски материи / вещества превращаются в «написанный документ» (Latour, Woolgar 1986: 51).

Но что происходит дальше с наблюдениями об уровне воды, визитах рыбинспекции, объемах уловов? Порождают ли они затем текст более высокого порядка, обобщая данные многолетних дневниковых записей? Нет: эти записи, посредством выборочного просмотра, формируют образ действия, а удачно выбранный день и час, место для лова материализуется обратно – в пойманную рыбу. Таким образом, инвестиция в дневниковую запись через практики приводит обратно к материальности: сельский дневник погоды делает «двойную петлю» и возвращается в тот же жизненный мир села. Преобразующая функция сельского дневника заставляет переосмыслить логику Латура и приближает нас к взгляду на «формализацию» и текстуализацию реальности в письме, о которой говорит Мишель де Серто: «...напротив, “смысл” игры письма, производства системы, пространства формализации состоит в том, чтобы отсылать к реальности, от которой оно отделилось именно для того, чтобы ее изменить. Его цель – социальная действенность» (Серто де 2013: 243). То есть дневник гибридного типа направлен косвенно на упорядочивание сбоев в жизненном мире и может дать толчок к принятию решений и выбора способа действовать.

Наконец, четвертая особенность структуры сельского дневника погоды состоит в том, что она не отражает структуру потоков и связей, существующих в лаборатории и направленных на производство знания. Сельский дневник является не проекцией лаборатории как сети, а лабораторией-на-страницах: «...островок страницы – это место перехода, где осуществляется промышленная переработка» (Серто де 2013: 245). Здесь сопряжение данных, фактов и суждений о погоде, изменениях климата (метеорология, климатология), сбоев в работе инфраструктур, схеме системы поставок товаров, хроника и проблемы ведения промысловой деятельности (экономические дисциплины), хроника событий села и происшествий одной семьи (устная история) производят гибридный тип знания, являющийся значимой частью социального поля локального сообщества.

Примечания

¹ В контексте данной статьи сопоставляются два уровня значения слова «наука». Согласно статье Владимира Соловьева в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Брокгауз 1897: 692), «наука» в узком смысле слова понимается как «объективно-достоверное и систематическое знание о действительных явлениях со стороны их закономерности или неизменного порядка», тогда как в широком контексте наука определяется как «совокупность всяких сведений, подвергнутых некоторой умственной проверке или отчету и приведенных в известный систематический порядок». Именно эти допущения: «всякие сведения», «некоторая умственная проверка», «известный систематический порядок» – создают необходимый «зазор» между двумя значениями, указывая на существование альтернативных способов систематизации, альтернативных методов протоколирования, фиксации, верификации разнообразных сведений о действительных явлениях, которые только лишь стремятся к эталону научного знания в узком смысле. Поиск подобных квазинаучных данных, а также сопутствующих им практик фиксации являлся одним из эмпирических способов обнаружения гибридных форм сосуществования ученых и местных жителей в труднодоступных поселках.

³ «Лива» – «пыла, лужа, полойчик», согласно словарю Даля. Образована от слова «лить». Сезонно заполняющееся водой углубление, яма, превращающаяся в зависимости от уровня воды в канал, озерцо, лужу, пруд.

Литература

- Барт Р. Дневник // Ролан Барт о Ролане Барте. М.: Сталкер, 2002. С. 246–261.
- Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890–1907. Т. 20а: Наказный атаман – Неясыти. [1897?]. II, 481–960.
- Воронова Н.Г. Заметки о речевом жанре дневника // Культура и текст. 2005. № 10. С. 194–200.
- Жукова В.С. Трудовая повседневность в крестьянских дневниках Европейского Севера России первой трети XX века // Повседневность в российской провинции XIX–XX вв.: материалы Всероссийской научной конференции: в 2 ч. Пермь, 2013. С. 157–161.
- Иващенко С.Н., Толпек И.В. Полевой дневник В. И. Матюшенко (Археологическая разведка 1959 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 1 (5). С. 116–132.

- Кальщикова Т.А. Жанровые стандарты в дневнике А. Блока // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 32 (213). С. 58–61.
- Курникова А.В., Русинова И.И. Речевой статус бытовых дневников М.П. Сусловой // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002. С. 252–259.
- Миханев А.П. Охотничий дневник как документальный источник // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. Вып. 12. С. 261–264.
- Орлова Г. Картографический поворот: школьная география и картографическая политика в эпоху больших утопий // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 81–102.
- Пигров К.С. Дневник: диалог с самим собой // Серия «Symposium». Диалог в образовании: сб. материалов конф. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. Вып. 22
- Плисак М.В. «Дневник крестьянина» как источник по истории мировоззрения сельского жителя (1916 г.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2008. С. 125–129.
- ПМА 2019 – полевые материалы автора, июль-август 2019 года, Томская область, Кривошеинский, Молчановский, Колпашевский, Парабельский, Каргасокский и Александровский районы.
- Рейнгольд А.С. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник РГГУ. Сер. Филол. науки. Литературоведение и фольклористика. 2010. № 11 (54). С. 118–129.
- Серто де М. Изобретение повседневности 1: искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2013.
- Слепцова (Кызласова) И.С. «Коллективная биография» сельского социума (по материалам дневников ярославского крестьянина П.В. Бугрова) // Русский Север. Вып. 1: Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию К.В. Чистова: сб. науч. ст. / ред.-сост. Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 79–96.
- Чистяков Ю.А. А.И. Курцов: дневник об экспедиции в Уссурийский край в 1928 году // Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. Владивосток: Биолого-почвенный институт ДВО РАН, 2011. С. 5–125.
- Anderson K. The Weather Prophets: Science and Reputation in Victorian Meteorology // History of Science. 1999. № 37 (2). P. 179–216.
- Barton D. Literacy: An Introduction to the Ecology of Written Language. Oxford: Blackwell, 2007.
- Bernhardt J. Determining Regional Weather Patterns from a Historical Diary // Weather, Climate, and Society. 2015. № 7 (4). P. 295–308.
- Bunkers S.L. Diaries: public and private records of women's lives // Legacy. 1990. Vol. 7, № 2. P. 17–26.
- Derrida J. Of Grammatology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977.
- Lyons M. Ordinary Writings, Personal Narratives. Writing Practices in 19th and Early 20th Century Europe. Bern: Peter Lang, 2007.
- Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986.
- McCarthy M. A Pocketful of Days: Pocket Diaries and Daily Record Keeping among Nineteenth-Century New England Women // The New England Quarterly. 2000. Vol. 73, № 2. P. 274–296.
- Motz M.F. Folk Expression of Time and Place: 19th-Century Midwestern Rural Diaries // The Journal of American Folklore. 1987. № 100 (396). P. 131–147.
- Noble M. Answers in the wind: using local weather studies for family history research // The Journal of Genealogy and Family History. 2017. Vol. 1, № 1. P. 1–6.
- Puttaert J. Linguistic Hybridity in Nineteenth-Century Lower-Class Letters. A Case Study from Bruges // Reading and Writing from Below Exploring the Margins of Modernity. Umeå University and Royal Skyttean Society. Umeå, 2016. P. 215–237.

- Slonosky V.* Historical climate observations in Canada: 18th and 19th century daily temperature from the St. Lawrence Valley, Quebec // *Geoscience Data Journal*. 2014. № 1 (2). P. 103–120.
- Wheeler D.* The weather diary of Margaret Mackenzie of Delvine (Perthshire): 1780–1805 // *Scottish Geographical Magazine*. 1994. № 110 (3). P. 177–182.
- Williams R.* Gilbert White's Eighteenth-Century Nature Journals as «Everyday» Ecology // *ISLE: Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*. Summer 2017. Vol. 24, is. 3. P. 432–456.

Статья поступила в редакцию 9 октября 2019 г.

Rakhmanova Lidiya Ya.

RURAL WEATHER JOURNALS AND FISHERIES LOGS AS A REPRESENTATION OF HYBRID FORMS OF INTERACTION BETWEEN SCIENCE AND LOCAL COMMUNITIES*

DOI: 10.17223/2312461X/26/7

Abstract. Can a diary be a social chronicle and a scientific protocol at the same time? What does mixing of genres and text structures mean in this case? The article presents a diverse range of rural weather diaries written by fishermen, nurse, gardener, inspector, and museum specialist. Underlying all these documents is the idea of combining different types of data in one structure and on one page, which makes them a special type of hybrid document. The uniqueness of the situation consists in the fact that, combining data of different types (meteorological, financial, historical, biographical, and infrastructural) obtained from different sources and through different means (from temperature measurement tools to personal feelings, rumours, and the Internet), the authors of the diaries indirectly participate in the production of another type of knowledge, which is born at junctions, overlaps and parallels between phenomena and facts, assessments and sarcasm, poetic descriptions and chronicles of a natural disaster. Analysing the structure of the diaries, their language and main components, as well as the purposes for which they are kept, I reveal the nature of the processes occurring due to the very act of writing and show why the diary itself in some sense becomes a laboratory. What does this laboratory produce and can we apply to it the logic of description that Bruno Latour applies in describing the process of producing scientific articles? What happens to the text in the rural weather diary and is it in fact a text? This article attempts to answer these questions and to 'turn over' the logic of 'translation' proposed by the actor-network theory.

Keywords: journals, hybrid documents, settlements on the Ob River, local communities; rural chronicles, monitoring protocols, scientific infrastructure

* The article is written as part of the project, entitled 'Hybrid forms of interaction / coexistence in the social space on the banks of the Ob River: the interconnection of the life worlds of local communities, government agencies and scientists as a resource for understanding global / local climate and socio-cultural changes', supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI) (grant No. 18-00-01625).

References

- Barthes R. Dnevnik [Diary]. In: *Rolan Bart o Rolane Barte* [Roland Barthes on Roland Barthes]. Moscow: Stalker, 2002, pp. 246–261.
- Brockhaus F.A. *Entsiklopedicheskii slovar'* [The encyclopedic dictionary]. Ed. by prof. I.E. Andreevskiy. St. Petersburg: F.A. Brockhaus, I.A. Efron, 1890-1907. Vol. 20a: Nakaznyi ataman - Neiasyti. [1897?]. II, 481-960.

- Voronova N.G. Zametki o rechevom zhanre dnevnika [Notes on the speech genre of diary], *Kul'tura i tekst*, 2005, no. 10, pp. 194–200.
- Zhukova V.S. Trudovaia povsednevnost' v krest'ianskikh dnevnikakh Evropeiskogo Severa Rossii pervoi treti XX veka [Worklife in the peasant diaries of the European North of Russia in the first third of the 20th century]. In: *Povsednevnost' v rossiiskoi provintsii XIX–XX vv. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii: v 2 chastiakh* [Everyday life in the Russian periphery in the 19th to the 20th century. Proceedings of the All-Russian scientific conference in 2 volumes]. Perm, 2013, pp. 157–161.
- Ivashchenko S.N., Tolpeko I.V. Polevoi dnevnik V. I. Matiushchenko (Arkheologicheskaya razvedka 1959 g.) [The field notes of V. I. Matyushchenko (archaeological field survey dated 1959)], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 2015, no. 1 (5), pp. 116–132.
- Kal'shchikova T.A. Zhanrovye standarty v dnevnike A. Bloka [Genre standards in the diary of A. Blok], *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo Universiteta*, 2010, no. 32 (213), pp. 58–61.
- Kurnikova A.V., Rusinova I.I. Rechevoi status bytovykh dnevnikov M.P. Suslovoi [Speech status of M.P. Suslova's everyday diaries]. In: *Izmeniaiushchiisia iazykovoi mir* [The changing language world]. Perm', 2002, pp. 252–259.
- Mikhanev A. P. Okhotnichii dnevnik kak dokumental'nyi istochnik [Hunter log as a documental source]. In: *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'. Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 12* [Document, Archive, History, the Present. A collection of scientific writings, issue 12]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta. 2011, pp. 261–264.
- Orlova G. Kartograficheskii povorot: shkol'naia geografiia i kartograficheskaya politika v epokhu bol'shikh utopii [The cartographic turn: school geography and cartographic policy in the era of great utopias], *Voprosy obrazovaniia*, 2006, no. 3, pp. 81–102.
- Pigrov K.S. Dnevnik: dialog s samim soboi [Diary: a dialogue with oneself]. In: *Seriia "Symposium", Dialog v obrazovanii. Vyp. 22. Sbornik materialov konferentsii* [The 'Symposium' series, Dialogue in education. Issue 12. A collection of proceedings]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2002.
- Plisak M.V. «Dnevnik krest'ianina» kak istochnik po istorii mirovozzreniia sel'skogo zhitelia (1916 g.) ['The peasant diary' as a source on the history of rural worldview (1916)], *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal*, 2008, pp. 125–129.
- PMA 2019 – polevyie materialy avtora, iul'-avgust 2019 goda, Tomskaiia oblast', Krivosheinskii, Molchanovskii, Kolpashevskii, Parabel'skii, Kargasokskii i Aleksandrovskii raiony [Author's field materials. July–August, 2019. Tomsk oblast, Krivosheino, Molchanovo, Kolpashevo, Parabel, Kargasok, Aleksandrovo districts].
- Reinhold A.S. Zhanrovye osobennosti literaturnogo dnevnika i dnevnik kak neliteraturnyi tekst [On the Genre Characteristics of the Diary as a Literary Subform, and the Diary as a Non-literary Text], *Vestnik RGGU. Ser. Filol. nauki. Literaturovedenie i fol'kloristika*, 2010, no. 11 (54), pp. 118–129.
- de Certeau M. *Izobretienie povsednevnosti 1: iskusstvo delat'* [The invention of everyday life 1: the art of making]. Trans. from French by D. Kalugin, N. Movnina. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta, 2013.
- Sleptsova (Kyzlasova) I.S. «Kollektivnaia biografiia» sel'skogo sotsiuma (po materialam dnevnikov iaroslavskogo krest'ianina P.V. Bugrova) ['Collective biography' of the rural society (based on the diaries of the Yaroslavl peasant P.V. Bugrov)]. In: *Russkii Sever. Vypusk 1. Identichnosti, pamiat', biograficheskii tekst. K 95-letiiu K.V. Chistova: Sb. nauch. st.* [The Russian North. Issue 1. Identities, memory, and biographical text. Dedicated to the 95th anniversary of K.V. Chistov. A collection of scientific papers]. Ed. and compiled by T.B. Shchepanskaia. St. Petersburg: MAE RAN, 2017, pp. 79–96.
- Chistiakov Iu.A. A. I. Kuretsov: dnevnik ob ekspeditsii v Ussuriiskii krai v 1928 godu [A.I. Kuretsov: a diary on the expedition to the Ussuriysk region in 1928]. In: *Cheniia*

- pamiati Alekseia Ivanovicha Kurentsova [Readings in the memory of Aleksey I. Kurentsov]. Vladivostok: Biologo-pochvennyi institut DVO RAN, 2011, pp. 5–125.
- Barton D. *Literacy: An Introduction to the Ecology of Written Language*. Oxford: Blackwell, 2007.
- Bernhardt, J. Determining Regional Weather Patterns from a Historical Diary, *Weather, Climate, and Society*, 2015, no. 7(4), pp. 295–308.
- Bunkers S.L. Diaries: public and private records of women's lives, *Legacy*, Vol. 7, no. 2 (Fall 1990), pp. 17–26.
- Derrida J. *Of Grammatology*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977.
- Lyons M. *Ordinary Writings, Personal Narratives. Writing Practices in 19th and Early 20th Century Europe*. Bern: Peter Lang, 2007.
- Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton University Press Princeton, New Jersey, 1986.
- McCarthy M. A Pocketful of Days: Pocket Diaries and Daily Record Keeping among Nineteenth-Century New England Women, *The New England Quarterly*, 2000, Vol. 73, no. 2, pp. 274–296.
- Motz M.F. Folk Expression of Time and Place: 19th-Century Midwestern Rural Diaries, *The Journal of American Folklore*, 1987, no. 100 (396), pp. 131–147.
- Noble M. Answers in the wind: using local weather studies for family history research, *The Journal of Genealogy and Family History*, 2017, Vol. 1, no. 1, pp. 1–6.
- Puttaert J. Linguistic Hybridity in Nineteenth-Century Lower-Class Letters. A Case Study from Bruges. In: *Reading and Writing from Below Exploring the Margins of Modernity*. Umeå University and Royal Skyttean Society. Umeå. 2016, pp. 215–237.
- Slonosky V. Historical climate observations in Canada: 18th and 19th century daily temperature from the St. Lawrence Valley, Quebec, *Geoscience Data Journal*, 2014, no. 1(2), pp. 103–120.
- Wheeler D. The weather diary of Margaret Mackenzie of Delvine (Perthshire): 1780–1805, *Scottish Geographical Magazine*, 1994, no. 110(3), pp. 177–182.
- Williams R. Gilbert White's Eighteenth-Century Nature Journals as "Everyday" Ecology, *ISLE: Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*, Vol. 24, Is. 3, Summer 2017, pp. 432–456.